
ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

УДК 94(470)1939/1945
ББК 63.3(2)614-68

Юрий Васильевич Кузьмин

доктор исторических наук, профессор кафедры мировой экономики и международного бизнеса, Байкальский государственный университет экономики и права, руководитель центра изучения Монголии, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: Kuzminuv@yandex.ru

Yury V. Kuzmin

Dr. in History, Professor, The Department of World Economy and International Business, Baikal State University of Economics and Law, Head of the Centre for Mongolian Studies, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: Kuzminuv@yandex.ru

Михаил Парфирьевич Рачков

профессор, доктор экономических наук, проректор по связям с общественностью и СМИ, Байкальский государственный университет экономики и права, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: press@isea.ru

Mikhail P. Rachkov

Dr in econ., Professor, The Vice Rector on Public Relations and Mass Media, Baikal State University of Economics and Law, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: press@isea.ru

Александр Петрович Суходолов

профессор, доктор экономических наук, первый проректор, Байкальский государственный университет экономики и права, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: first-pro-rector@isea.ru

Alexander P. Sukhodolov

Dr. in econ, Professor, The First Prorector, Baikal State University of Economics and Law, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: first-pro-rector@isea.ru

ВОЙНА НА ХАЛХИН-ГОЛЕ 1939 г. (МАЙ – СЕНТЯБРЬ) КАК НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Авторы предлагают свою версию места и времени начала Второй мировой войны и открывают дискуссию по данной проблеме. Ставится вопрос о войне на Халхин-Голе в мае-сентябре 1939 г. как об отправном событии начала Второй мировой войны. На основе документальных ма-

териалов, опубликованных российскими и зарубежными историками, доказываается прямая взаимосвязь войны на Халхин-Голе и подписанием советско-германского Пакта.

Ключевые слова: война на Халхин-Голе 1939 г., военный конфликт, Вторая Мировая война, советско-германский Пакт, историческая версия.

WAR ON HALKHIN-GOL OF 1939 (MAY – SEPTEMBER) AS THE BEGINNING THE SECOND WORLD WAR

Authors offer the version of a place and time of the beginning of The Second World War and open discussion on this problem. The question of war on Halkhin-Gole in May-September, 1939 as is raised of a starting event of the beginning of The Second World War. On the basis of the documentary materials published by the Russian and foreign historians, the direct interrelation of war on Halkhin-Gole and signing of the Soviet-German Pact is proved.

Keywords: war on Halkhin-Gole of 1939, military conflict, The Second World War, the Soviet-German Pact.

С удовольствием представляю к публикации в журнале «Вопросы теории и практики журналистики» статью ученых Байкальского государственного университета экономики и права Ю.В. Кузьмина, А.П. Суходолова и М.П. Рачкова, приуроченную к 75-летию военных действий на реке Халхин-Гол.

Война на Халхин-Голе долгие годы была в полном смысле неизвестной войной. Причины этого еще предстоит исследовать. Тем важнее публикация данного материала в специализированном научном издании для журналистов. Статья уважаемых авторов по-новому интерпретирует военные события на Халхин-Голе, рассматривая их как начало Второй мировой войны и увязывая в единое целое с подготовкой агрессивных действий Германии в Европе. Новая версия начала Второй мировой войны позволяет по-иному интерпретировать факты военной истории СССР в период с мая 1939 г. по сентябрь 1945 г. В частности, в свете авторской концепции с большими знаками «плюс» оцениваются Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, подписанный 23 августа 1939 г. В.М. Молотовым и И. фон Риббентропом, и вступление СССР в войну с Японией 8 августа 1945 г.

Патриотически настроенные журналисты, формирующие общественное мнение в период переоценки либеральных прозападных, а по сути — антироссийских идей, на мой взгляд, найдут в публикуемом материале достаточно доказательств для объективной оценки стратегии высшего руководства СССР в начале и в конце Второй мировой войны.

*Член редакционного совета журнала
«Вопросы теории и практики журналистики»,
первый вице-президент Академии военных наук,
доктор военных наук, профессор
Н.И. Турко*

В 2014 г. отмечается 75-летие военных событий на реке Халхин-Гол в Монголии. Все большее удаление во времени от этого события не делает его менее актуальным. Международная общественность, дипломаты и ученые проявляют постоянный интерес к истории этого важного события, о чем свидетельствуют международные научные конференции и многочисленные публикации.

Российские и зарубежные исследователи пытаются создать более детальную историю военного конфликта на реке Халхин-Гол, расширяют документальную базу исследования и вводят в научный оборот новые исторические источники; уточняют цели и причины военных действий японских войск; изучают и определяют их место в системе международных отношений в регионе Восточной Азии и в мире вообще. Разумеется, что точки зрения российских историков по-прежнему существенно расходятся с оценками японских и западных исследователей. Единые в свое время оценки событий советских и монгольских историков в последнее двадцатилетие также начинают расходиться по отдельным вопросам. Монгольские историки часто проводят с японскими учеными совместные международные конференции, на которых по некоторым вопросам происходит сближение их научных позиций. Современная российская историография в настоящее время оперирует прямо противоположными оценками степени изученности темы. Одни считают, что в российской исторической науке накоплен значительный фактический и документальный материал и проблема в целом является в основном исследованной. По мнению других исследователей, тема вообще слабо изучена, в ней имеется много противоречий, фак-

тических неточностей, исторических ошибок, много идеологических и эмоциональных оценок, вместо серьезного аналитического и объективного исследования. До сих пор слабо привлекаются архивные материалы Военно-исторического архива. По данным доктора исторических наук Е.Л. Катасоновой, в нем хранится свыше 700 единиц хранения о войне на Халхин-Голе. Они не всегда были доступны исследователям, а сегодня нужно максимально их изучить, проанализировать и ввести в широкий научный оборот. Американские и японские исследователи сделали это сразу после окончания Второй мировой войны. Были привлечены военные и историки, проделана объемная работа по сбору и анализу материалов и к 1960 г. издано 13 специальных исследований, касавшихся Маньчжурии. Подобная работа ранее была осуществлена в России после русско-японской войны изданием многотомного сборника документов, мемуаров, аналитических материалов по итогам войны. Широкой известностью в научном мире пользуется монография историка А. Кукса «Номонхан: Япония против России, 1939 г.» в двух томах, объемом 1250 страниц, написанная на основе оригинальных документов. В России, по нашему мнению, научных, научно-популярных, военно-исторических и исторических трудов известных военных специалистов и историков, а также мемуаров, сборников воспоминаний, публицистических, художественных произведений на тему военных действий на Халхин-Голе написано более чем достаточно. Другой вопрос, что все они очень разного качества, так как перед ними ставились совершенно различные цели и задачи. Разумеется, большое влияние на формирование советской

концепции войны на реке Халхин-гол сыграли методологические и идеологические подходы. Постсоветский период изучения данной темы носил стихийный и чаще всего юбилейный характер. Научные конференции, в том числе и международные, проводились в годы «круглых» дат. Подготовка к ним, как правило, занимала короткий период, что не давало возможности для концептуальных прорывов.

Серьезным научным шагом вперед стали международные научные конференции, проводимые в России и Монголии, с приглашением известных специалистов из Японии, США и других зарубежных стран, которые имели различные взгляды на события 1939 года. Происходил важный обмен мнениями по сложным и спорным вопросам, иногда появлялись точки соприкосновения и сближение подходов. Но в целом, подходы российских, монгольских, американских и японских историков существенно различаются.

Позитивной современной тенденцией российской исторической науки стали постоянные международные научные конференции в Москве, Петербурге, Улан-Удэ, Иркутске и Чите с участием ветеранов боевых действий, военных специалистов, историков, студентов и школьников и имеют большое информационное и воспитательное значение для молодого поколения. Работа поисковых сибирских отрядов в 2000-х гг. на месте боевых действий — благородное дело по увековечиванию памяти погибших советских и монгольских воинов.

Роль и место войны на Халхин-Голе в системе мировых международных отношений нуждается, по нашему мнению, в одном очень важном уточнении. Общеизвестным событием начала Второй мировой войны

считается 1 сентября 1939 года — нападение фашистской Германии на Польшу. В качестве новой версии предлагаем постановку проблемы о начале Второй мировой войны военными событиями на реке Халхин-Гол в мае-сентябре 1939 г.

Данное предположение было высказано в публикациях Я.А. Бутанова «Горячий август 1939», Е.Л. Касановой «Необъявленная война. К 75-летию событий Халхин-Гола», «Правда и вымысел о Халхин-Голе. Кровопролитный конфликт на Дальнем Востоке: взгляд и оценки 70 лет спустя» [15, с. 59–69]. К сожалению, оно не получило в исторической литературе концептуального и логического обоснования и документального подтверждения.

В современной западной, японской и монгольской историографии целенаправленно и системно предпринимаются попытки не только пересмотреть причины, повод, ход военных действий на Халхин-Голе, исторические последствия, но и противопоставить страны: Россию и Монголию, особенно на этапе предварительных дипломатических переговоров накануне военных событий. Иногда выдвигается абсурдный тезис о равной ответственности Японии и СССР за развязывание военного конфликта. Это положение носит совершенно ненаучный характер, полностью не соответствует историческим реалиям. В некоторых российских изданиях этот тезис также получил определенное распространение. Так, исследователь К.Е. Черевко считает, что конфликт произошел нагнетанием напряженности как с японской стороны, так и с советской. К.Е. Черевко считает, что японский план № 8 («Оцу») носил сугубо оперативный характер и не был рассчитан на немедленное применение, в то время как командующий 23-й ди-

визией генерал-лейтенант М. Комачубара в марте 1939 г. решительно выступил за его претворение в жизнь и был поддержан руководством оперативного отдела Квантунской армии, которое проигнорировало указание Генерального штаба японской армии о необходимости, в случае опасности возникновения военного конфликта с СССР, заблаговременно производить консультации с Токио [33, с. 88–89]. Имея даже минимальные представления о военной субординации в японской армии, невозможно представить такой уровень неподчинения. По твердому убеждению академика С.Л. Тихвинского, «если бы на Халхин-Голе их дела пошли удачно, они бы развернули дальнейшее наступление. В их далеко идущие планы входил захват восточной части Монголии и выход к Байкалу и к Чите, к туннелям, на перехват Сибирской магистрали» [32, с. 76–77].

В российской и зарубежной историографии в разные периоды давались самые различные характеристики военных событий на Халхин-Голе: «пограничный конфликт», «военный конфликт», «военный инцидент», «военные действия», «боевые действия», «необъявленная война», «война на Халхин-Голе», «Номонханский конфликт». Разумеется, это не случайные оценки одного и того же исторического события. За ними стоят различное понимание этого исторического факта в национальной и мировой истории, различные исторические и национальные концепции. Парадоксальность сложившейся ситуации заключается еще и в том, что один и тот же историк в одной и той же статье может использовать несколько разных терминов: «боевые действия», «военное столкновение», «советско-японский конфликт», «война на

Халхин-Голе». И это не просто желание не писать однообразно одними словами, а скорее всего такая ситуация, когда о конкретном историческом событии не существует полной и взвешенной картины и одностороннего понимания.

В японской и западной историографии военные действия в мае-сентябре 1939 г. рассматриваются как локальный пограничный конфликт, или «Номонханский конфликт», который возник случайно и спонтанно. По их мнению, локальный пограничный конфликт постепенно перерос в военный конфликт. Некоторые японские исследователи (К. Танака) пытаются доказать, что советская сторона причастна к срыву монголо-японских переговоров с целью обострения конфликта [9, с. 160] и показательного разгрома япономаньчжурских войск. Военная доктрина японской армии, ее реальные действия в Маньчжурии свидетельствуют совершенно о противоположной ситуации.

Переговоры на станции Маньчжурия в 1935–1937 гг. действительно находились под контролем как советской, так и японской сторон. Но условия пограничного разграничения и требования, выдвинутые японской стороной, были настолько неприемлемы для советской стороны, что привело, в конце концов, к срыву дипломатических переговоров. Опубликованные архивные документы подтверждают заинтересованность и намерение советской стороны решить вопрос о границе дипломатическим путем. В них подчеркивается ограниченность монгольских пограничных сил в данном районе, которые не смогут противостоять более многочисленным японо-баргутским войскам. В письме полпреда СССР в МНР В.Х. Таирова замнаркоминделу Б.С. Стомнякову от 8 марта 1936 г.

отмечается: «...если бы японцы начали наступление теми силами, которые уже сосредоточили в районе Буир-Нор (т.е. до 5 тыс. бойцов с очень большой техникой), то, конечно, Тамсик они заняли бы в течение двух дней. Ничего серьезного там противопоставить им мы не могли» [24, с. 12].

По данным архива Института военной истории МО РФ, приведенным в статье полковника В.А. Афанасьева, в мае-июле 1939 г. существовало явное преимущество японо-маньчжурских войск в живой силе и вооружении: в мае — в 2 раза, в июне — в 3 раза. Только в июле у советской стороны появляется преимущество в танках и бронемашинах [4, с. 182]. Поэтому понятно, что в первые месяцы войны пограничные войска и регулярные части МНР и СССР выступали в роли обороняющейся стороны. Численное и тактическое превосходство было на стороне японо-баргутских войск. Техническое и летное преимущество на начальном этапе войны было на стороне летных частей Квантунской армии, но только до появления опытных советских летчиков и новой техники в июле 1939 г.

Специалист по российско-монгольскому военному сотрудничеству Ж.Б. Жалсапова проанализировала японскую и западную прессу за июнь 1939 г. и пришла к заключению, что японские агентства и западные газеты сообщали, что монгольские войска потерпели поражение от хорошо вооруженных японских частей, а японские агентства подчеркивали техническую отсталость советской авиационной техники [11, с. 128].

Среди японских историков также нет единства взглядов на военные события. Некоторые японские авторы признают, что это была настоящая локальная война и называют

ее «второй японо-русской войной». Еще более не историчным представляется предположение известного японского историка К. Танаки о том, что переговоры между монголами и баргутами в 1935–1937 гг. на станции Маньчжурия могли привести к созданию единого монгольского государства. Теоретически на эту тему можно рассуждать, но в практической плоскости вопрос не ставился. Разумеется, в данном контексте требуются специальные исследования и определенные объяснения репрессий руководителей переговоров с обеих сторон. Японская военная полиция арестовала и казнила в апреле 1936 г. Лин Шана — руководителя маньчжурской делегации. В 1937 г. был арестован за японский шпионаж и казнен руководитель монгольской делегации Самбу. Это достаточно сложный вопрос: был ли реальный сговор глав делегаций по созданию единого монголо-маньчжурского государства? По исторической логике это маловероятно, слишком разные политические и экономические системы сложились к данному моменту в МНР и Маньчжоу-Го. Проводить исторические аналогии между МНР и Маньчжоу-Го представляется нам некорректным.

Известно, что монголы не входили в число трех основных наций Маньчжоу-Го, ими считались китайцы, маньчжуры и японцы, и союз этих трех народов считался гарантией позитивного развития государства, главной религией был объявлен синтоизм. Монголы привлекались к управлению, в армию, но не занимали ключевых позиций, так как министрами назначались маньчжуры, а заместителями японцы. В государственных органах в 1935 г. работали 5232 японских советника, более 65 % которых являлись офицерами резерва японской армии.

Фактическим главой государства являлся командующий Квантунской армии, который имел вето на решения императора Пу И [17, С. 121]. Трудно себе представить создание монгольского государства в данных исторических условиях.

Ряд современных известных российских историков [22, с. 41; 7, с. 102–111], признавая агрессивные намерения японской стороны и рассматривая военные действия на Халхин-Голе, как масштабные, тем не менее считают их военным конфликтом. М.И. Гольман не согласен с оценкой «пограничный конфликт», а считает правомерным термин «локальный конфликт». В качестве аргумента известный российский монголовед приводит интервью Г.К. Жукова, данное 9 мая 1945 г., в котором он на вопрос о Халхин-Голе ответил, что это была «операция местного масштаба».

Нам представляется, что надо учитывать конкретную ситуацию мая 1945 г., когда битва за Берлин своими масштабами справедливо затмила события далекого 1939 г. Но мы больше доверяем мемуарам Г.К. Жукова, в которых он назвал военные события на Халхин-Голе «Необъявленной войной». Легендарный полководец в полной мере проявил здесь свой военный талант, сумев скрытыми действиями ввести в заблуждение опытного противника (ложная операция по подготовке советских войск к зиме) и неожиданно атаковать его. Впервые был осуществлен план скрытного накопления военных сил, полного окружения противника, массированного использования самолетов, артиллерии и танков. Более того, все это произошло без выхода за пределы монгольской территории. Некоторыми армейскими командирами были сделаны предложения продолжать

наступление на вражескую территорию, но получили разумный отказ руководства. Известно, что в штабе советской армейской группы разрабатывались планы наступательной операции и переносе боевых действий на маньчжурскую территорию, частично и в Генштабе разделяли эти позиции. И.В. Сталин категорически пресек такие предложения и запретил переносить военные действия за пределы Монголии.

По нашему мнению, военные события на реке Халхин-Гол в мае-сентябре 1939 года являются не военным конфликтом, а полномасштабной войной, о чем свидетельствуют длительный период военных действий (май-сентябрь 1939 г.), интенсивность военных действий (на относительно небольшой территории противостояло значительное количество войск и боевой техники; военные потери за короткий промежуток времени были очень значительны), использование большого количества военной техники: танков и самолетов, артиллерии, впервые использованные новые виды военной техники, тактические и стратегические новации, значительные потери войск. Не совсем удачные военные действия советско-монгольских войск в начале военного конфликта в мае-июне 1939 г. свидетельствуют о лучшей готовности японских войск к войне и выявляют истинного инициатора пограничных конфликтов и самой войны [21, с. 11, 46–52].

С формальной точки зрения, это была не совсем обычная война: не были разорваны дипломатические отношения стран-участников войны, формально не было официального объявления войны, но было подписано мирное соглашение 16 сентября 1939 г. Длительное время в советской прессе (до июля) не было никакой информации о войне. В

июле в центральной и региональной прессе стали публиковаться материалы о боевых действиях в Монголии. Массовое награждение советских воинов в августе дало более полную информацию для размышления советского народа о масштабах военных действий.

Война потребовала от СССР значительных экономических и организационных усилий для обеспечения победы, а для экономики МНР — полной экономической и политической мобилизации страны. Для Монголии это было настоящее испытание на экономическую и политическую прочность государства, для нее это была полномасштабная война, а не локальный конфликт. В докладе на международной конференции в Улан-Баторе 2009 г. монгольского военного историка С. Ганболда из Центра военных исследований отмечалось, что были мобилизованы все резервисты страны и даже представители малых народов, ранее не привлекавшиеся к военной службе, 60 % бюджета страны были потрачены на неотложные военные нужды, делался убедительный вывод о том, что «халхингольское сражение было для Монголии не пограничным конфликтом, а полномасштабной войной» [26, с. 7].

Война на Халхин-Голе — святая страница российской военной истории. В этих событиях достойно проявили себя политическое руководство СССР, советская дипломатия, военная разведка (группа Р. Зорге впервые результативно сработала именно здесь [30], Красная Армия, советское-монгольское патриотическое и боевое содружество. На заключительном этапе войны было продемонстрировано преимущество советской военной техники, высокое летное мастерство советских летчиков, преимущество военной тактики

и стратегии. Например, операция генерала Г.К. Жукова по окружению и уничтожению противника, использование танков без сопровождения пехоты.

В военные учебники и энциклопедии она вошла как блестяще проведенная упреждающая военная операция, так как японское наступление планировалось на 24 августа. Это явное свидетельство успешных действий военной разведки, армейской и стратегической (группа Р. Зорге). Японцы были специальными методами введены в заблуждение о подготовке советских войск к зимней кампании: использование имитационной техники при строительстве якобы зимних сооружений, ложной передачи информации о завозе зимнего снаряжения, специальной утечки информации и т.п.) Операция по окружению носила оригинальный характер. Впервые массово были применены артиллерия, танки и самолеты. Фактор неожиданности действий советско-монгольских войск сыграл также важную роль.

В российской историографии приведены многочисленные документы и заявления японских политиков и военных, отражающие агрессивные планы японского военного руководства и причины войны на Халхин-Голе. Осенью 1931 г. Япония начала оккупацию Маньчжурии, где в 1932 году было создано марионеточное государство Маньчжоу-Го во главе с Пу И, последним китайским императором. В 1933 г. Япония демонстративно вышла из Лиги Наций, отказавшейся признать Маньчжоу-Го. В декабре 1934 г. Япония расторгла в одностороннем порядке Вашингтонские соглашения о морских вооружениях. В ноябре 1936 г. Япония подписала с Германией известный антикоминтерновский пакт, в 1937 г. к нему присоединилась

Италия, а в феврале 1938 г. присоединилось марионеточное государство Маньчжоу-Го. В марте 1937 г. началась многолетняя японо-китайская война. Был взят твердый и решительный курс на расширение военной экспансии и провокаций, в том числе против СССР и Монголии. Япония не признавала Монголию независимым и самостоятельным государством, с которым стоило бы считаться, что и вело к пограничным конфликтам. Любые попытки как-то обелить внешнюю политику Японии 30-х гг., которые встречаются в современной монгольской и российской историографии, отражают профессиональную некомпетентность тех, кто об этом пишет.

Некоторые современные исследователи выражают сомнение в реальности существования «Меморандума Танаки», опубликованного в китайском журнале в 1929 г. Полное название документа «Меморандум об основах позитивной политики в Маньчжурии и Монголии». В публикации говорилось, что документ от 25 июля 1927 г. императору Японии представил премьер-министр и министр иностранных дел генерал Танака. В Меморандуме обозначались этапы японской экспансии: подчинение Маньчжурии, Монголии, Китая, а затем Индии, стран бассейна Тихого океана, Центральной Азии, и наконец, Европы. Как известно, публикация меморандума наделала много шума, но японской стороной до сих пор не подтверждена его подлинность. Во втором томе (1917–1933 гг.) «Очерков истории российской внешней разведки», главным редактором которых выступает академик и бывший руководитель СВР Е.М. Примаков в специальной 32 главе «Меморандум Танаки» отмечается, что «документ существовал и был добыт нашими разведчиками в двух

резидентурах: в Сеуле и в Харбине. Получение меморандума Танаки явилось крупнейшим достижением в работе советской внешней разведки против милитаристских устремлений Японии в период 20-х–начала 30-х годов» [27, с. 253]. Документ был добыт через секретную почту Японии с помощью И.Т. Иванова-Перекреста, заместителем резидента тогда был советский разведчик генерал-майор В.М. Зарубин [27, с. 254]. Подтверждением реальности существования данного документа является получение аналогичного документа в Корее. «Дело с меморандумом Танаки получило свое продолжение в Корее, и можно с полной уверенностью сказать, что имел место уникальный случай в практике разведслужб, когда один и тот же секретный документ почти одновременно был добыт нашими разведчиками в разных странах» [27, с. 257]. В документе, в частности, отмечается: «Японо-советская война, принимая во внимание состояние вооруженных сил СССР и его отношения с иностранными государствами, должна быть проведена нами как можно скорее. Я считаю необходимым, чтобы императорское правительство повело политику с расчетом как можно скорее начать войну с СССР. Разумеется, нам нужно осуществить продвижение до озера Байкал...» [27, с. 254].

Япония не признавала независимость Монголии (МНР). Как пишет монгольский военный историк Г. Ариунболд, «идея Токио заключалась в объединении МНР с китайскими провинциями Внутренней Монголии в еще одно марионеточное государство Монголо-Го по образцу Маньчжоу-Го. Конечной целью этих трансформаций велось образование единой маньчжуро-монгольской империи, то есть возвращение Внешней Монголии под власть маньчжурских

правителей, как это было с конца XVII до начала XX в. Это образование должно было стать новым материковым владением Японии» [3, с. 23].

Первые пограничные конфликты произошли еще в 1932 г., но особенно участились в 1935 г. Переговоры о демаркации границы летом и осенью 1935 г. успеха не имели и конкретного результата не дали, так как стороны использовали различные карты данной местности: представители Маньчжоу-Го карту 1906 г., монгольская сторона китайскую военную 1887 г.

Захваченные во время боев японские военные карты оперативного назначения говорят о том, что японское военное командование было хорошо осведомлено о прохождении реальной границы МНР и Маньчжоу-Го. Так, захваченная в мае машина подполковника Адзима с топографической картой района боевых действий свидетельствовала, что военные действия происходили на монгольской территории. Позднее эта карта будет фигурировать на Токийском процессе как свидетельство японской агрессии. Современные японские историки специально исследуют эту картографическую проблему. Некоторые японские исследователи (Хосогава Гокоу) выявили четыре варианта карт местности спорного района различного времени. Представляется, что абсолютизировать картографическую проблему как реальную причину пограничного конфликта, а затем войны — значит уходить от реальных причин военных действий.

Однако, и в «картографической войне» японская сторона проигрывает. В 2009 г. на международной конференции в Улан-Баторе докладчик Стюарт Голдман сообщил, что «на карте, которая сейчас хранится в библиотеке Института обо-

ронных исследований Министерства обороны Японии, граница обозначена не по Халхин-Голу, а к востоку от нее. Эта карта была составлена с учетом результатов работы специальной экспедиции по уточнению линии границы. Однако, Генеральный штаб императорской армии Японии, основываясь на неточной информации, проигнорировал эти изменения, что, по мнению докладчика, и послужило одним из факторов возникновения Номонханского конфликта» [9, с. 164].

Международный характер войны на Халхин-Голе определялся участием в ней 4 стран: Монголии, России, Японии, Маньчжоу-Го. Разумеется, главными участниками конфликта являлись Япония и СССР. Кроме того, за спиной Японии стояла Великобритания, крупные военные поставки Японии осуществляли США. Великобритания заключила 23 июля 1939 г. (в разгар войны на Халхин-Голе) с Японией англо-японское соглашение Арита-Крейги, согласно которому Британия не будет препятствовать японской армии выполнять свои цели в Китае. Тем самым поощрялась японская агрессия, в том числе и в отношении МНР. Великобритания надеялась направить японскую агрессию в сторону от английских колоний на юге Китая, в зоне Тихого океана. За этим военным конфликтом внимательно наблюдали в Европе, в США, в Азии, особенно в Китае, который вел неравную войну с Японией.

В мае-июле 1939 г. США вели переговоры с Японией сначала в Токио (май), а затем в Вашингтоне. Японский посол стремился доказать государственному секретарю, что военные усилия Японии направлены против СССР [1, с. 324]. И эти переговоры велись в период напряженных боевых действий на реке Халхин-Гол. Действия японцев были убедитель-

нее слов. В развязывании японо-советской войны определенно были заинтересованы США и Великобритания. Эта война могла ослабить их возможных конкурентов в регионе и на мировых рынках. Каждая из стран имела собственные национальные интересы и прагматично пыталась их защищать.

Япония рассматривала военный конфликт как средство давления на союзников: Германию и Италию. На начальном этапе конфликта японское военное руководство действительно могло проверять уровень боеспособности советских войск, продемонстрировать союзникам на Западе высокий уровень японского военного искусства и преимущество боевой техники. Известно, что японская сторона весной и летом 1939 г. проявила дипломатическую активность. По оценке капитана первого ранга доктора исторических наук В.П. Зимонина, это было связано с заинтересованностью создания тройственного военного Пакта, в котором Токио был заинтересован более других участников. Япония настаивала на внесении в текст положение об исключительной направленности пакта против СССР [12, с. 20].

Летом 1939 года СССР вел сложные переговоры с представителями военных миссий Великобритании и Франции. Положение нашей страны в Европе было чрезвычайно сложным. Осенью 1938 г. СССР не пригласили на Мюнхенскую конференцию, на которой решалась судьба Чехословакии. СССР имел договор, согласно которому Чехословакия могла обратиться к СССР за военной помощью, но, к сожалению, этого не произошло. Западные страны проводили политику изоляции СССР, стремясь столкнуть его с Германией и Японией. Весной 1939 г. пала Республиканская Испания, в которую

наша страна вложила много материальных, военных и моральных сил. Международная ситуация вела к полной изоляции СССР в Европе. Поэтому от исхода военного противостояния на границе Монголии в 1939 г. напрямую зависела внешняя политика СССР не только в Азии, но и в Европе. В этой связи в исследованиях по истории международных отношений «халхингольский фактор» или не учитывается, или учитывается недостаточно. А фактически он сыграл решающую и ключевую роль в формировании системы международных отношений в Европе и Азии в конце 30-х гг. XX столетия.

Важной причиной обострения японо-советских отношений являлся «китайский вопрос». По данным крупного китаевода академика С.Л. Тихвинского, СССР предоставил Китаю займы на сумму в 250 млн. долл. [32, с. 76]. 21 августа 1937 г. СССР и Китай подписали договор о ненападении, который наносил серьезный удар по агрессивной политике Японии, и стал своеобразным сдерживающим фактором. СССР оказывал серьезную помощь военной техникой и военными советниками. К середине февраля 1939 г. в Китае находилось 366 советских советников, летом прибыло 400 летчиков-добровольцев и техников.

Япония стремилась максимально изолировать СССР от Китая и создать своеобразный коридор безопасности, включавший Маньчжоу-Го, Северный Китай и часть Монголии. Разгром 6 японской армии позволил китайскому народу усилить борьбу против японских захватчиков.

«Победоносная война в Монголии» нужна была Японии как для поднятия боевого духа японской армии после поражения в 1938 г. на озере Хасан, так и для поднятия дипломатического престижа Японии и подпи-

сания японо-английского соглашения по признанию японских захватов в Китае (оно было подписано 23 июля 1939 г. — в разгар военных действий на Халхин-Голе).

Японцы явно просчитались, полагая, что СССР, хотя и имея «Протокол о взаимной помощи между Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой от 12 марта 1936 года», но, будучи серьезно занят внешнеполитическими событиями на Западе, сложными дипломатическими переговорами с западными странами, не в полной мере обратит достойное внимание на войну в далекой Монголии.

Правда, добились они прямо противоположного: отставки собственного правительства и военного руководства, разочарованием в военном и дипломатическом союзнике — Германии, имевшем трагические стратегические последствия для них в будущем. Таким образом, военное поражение японских войск на Халхин-Голе сопровождалось политическим поражением и дипломатическим ударом. Имея явное тактическое преимущество, располагая удобными шоссейными и железнодорожными подъездными путями, близкими к месту боевых действий, подготовленными базами материального обеспечения, Япония потерпела сокрушительное поражение от советско-монгольских войск.

Важным политическим фактором вторжения японских войск в Монголию, по мнению японских историков, было желание поднять восстание монгольских лам и бывших феодалов, а также других слоев монгольского общества, недовольных политикой народного правительства. В 1930-е г. в Монголии действительно проводилась политика закрытия буддийских монастырей и кумирен, ламы переводились в

светское состояние, призывались в армию. Но этот расчет Японии также не оправдался. Произошло совершенно обратное: консолидация монгольского народа в условиях внешней угрозы национальной безопасности страны, патриотический подъем в стране.

Еще одним смягчающим фактором оправдания японской агрессии некоторые японские исследователи считают то, что решение о военных действиях принимало самостоятельно командование Квантунской армии, якобы, без согласования с японским правительством. Такое объяснение ситуации крайне неубедительно. Все востоковеды хорошо знают, что в Японии традиционно существует жесткая централизованная система руководства, и сбой подобного рода просто невозможен. Это ложная попытка снять ответственность с японской стороны за события на Халхин-Голе.

Одной из причин японской агрессии называется попытка «сдвинуть границу», чтобы проложить рядом с ней железную дорогу по равнинной территории. Японский генералитет явно не рассчитывал, что советские войска, находясь на значительной удаленности от места боевых действий, так оперативно смогут перебросить сюда значительное количество войск и обеспечить их всем необходимым. Задача снабжения советских войск действительно оказалась очень сложной, но посильной для мобильных автомобильных и железнодорожных частей, оперативно решивших трудные задачи доставки боеприпасов и снаряжения, а также горючего, дров и воды.

СССР пытался разрушить формирование оси: Германия — Япония — Италия или, по крайней мере, ослабить этот военный блок. Подписание советско-германского Пакта 23 ав-

густа 1939 г. (в самый пик войны на Халхин-Голе) прямо связано с событиями в Монголии на реке Халхин-Гол.

Весной-осенью 1939 года политическое и военное руководство СССР находилось в состоянии серьезного выбора. Особенно сложные задачи стояли перед советскими дипломатами. СССР было необходимо сохранить мир и использовать мирную передышку для укрепления вооруженных сил, модернизировать военную технику и создать международную группировку, способную противостоять двум явным агрессорам: Германии и Японии.

Еще в середине марта 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) И.В. Сталин прямо назвал «три агрессивных государства», к которым причислил Германию, Италию и Японию. Они, по его утверждению уже «начали новую империалистическую войну», направленную против интересов Англии, Франции, США.

У. Черчилль в своем выступлении в Британском парламенте 19 мая 1939 г. заявил: «Я никак не могу понять — каковы возражения против заключения соглашения с Россией, которого сам премьер-министр как будто желает, против его заключения в широкой и простой форме, предложенной Советским правительством. Предложения, выдвинутые русским правительством, несомненно, имеют в виду Тройственный союз между Англией, Францией и Россией. Такой союз мог бы распространить свои преимущества на другие страны, если они их пожелают и когда они выразят такое желание» [23, с. 63].

23 мая 1939 г. А. Гитлер на совещании с командованием вермахта заявил: «В настоящее время мы переживаем подъем национального духа, выражающего общность мировоззрения с двумя другими

государствами: Италией и Японией [23, с. 66]. И в заключении сделал вывод о том, что «одновременного столкновения с Западом (Францией и Англией) ни в коем случае допустить нельзя» [23, с. 66].

2 июня 1939 г в Москве был составлен советский проект англо-франко-советского соглашения, согласно которому «Франция, Англия и СССР обязываются оказывать друг другу немедленную всестороннюю помощь, если одно из этих государств будет втянуто в военные действия с европейской державой» [23, с. 67].

Одновременно с этим 24 июля 1939 г. состоялась встреча представителей Германии и Великобритании, на которой прорабатывались программы германо-английского сотрудничества и, в частности, британской стороной предлагались «тайные переговоры» между Англией и Германией. «Францию и Италию следует привлечь лишь позднее» [23, с. 70]. Таким образом, в системе международных отношений складывалась сложнейшая сеть взаимоотношений между основными европейскими игроками.

К великому сожалению, попытки создать накануне Второй мировой войны международную коалицию СССР совместно с Великобританией, Францией и США не удалось. Незаинтересованность западных стран и США, проведение ими политики умиротворения агрессора — тому виной.

Политика умиротворения агрессора — тупиковая политика. Эта политика западных стран по отношению к Германии, получившая название «мюнхенский сговор», показала полную историческую бесперспективность. Если бы западные страны пошли по пути создания антигитлеровской коалиции, мировой истори-

ческий процесс развивался бы по совершенно другому сценарию.

США 1 мая 1937 г. приняли Закон о нейтралитете и также придерживались курса на умиротворения Японии. Закон о нейтралитете дал агрессивным странам своеобразный дипломатический сигнал [14, с. 306]. По мнению российских американистов, «одна из целей Германии как раз и состояла в том, чтобы, поощряя японскую агрессию, отвлечь их (США) от Европы. США, разгадавшие этот замысел, старались оттянуть прямое столкновение с Японией» [14, с. 309].

У политического руководства СССР было все меньше возможностей для дипломатического маневра. Выбор был самый минимальный. И.В. Сталин уже не видел стратегической перспективы подписания соглашения о совместных действиях в Европе и мире, не видел перспективы продолжать серьезные переговоры с западными странами. Высшее политическое руководство СССР (Сталин, Ворошилов, Молотов) готовилось к резкому повороту внешней политики страны. Этому способствовали и первые военные успехи советско-монгольских войск в Монголии.

Уже 1 августа 1939 г. от временно поверенного в делах СССР в Германии Г. Астахова в народный комисариат поступило сообщение о том, что «германское правительство, исходя из нашего согласия вести переговоры об улучшении отношений, хотело бы приступить к ним возможно скорее. Оно хотело бы вести переговоры в Германии, но, поскольку мы предпочитаем вести их в Москве, мы предлагаем вести их в Москве, оно принимает и это» [14, с. 75]. 18 августа 1939 г. в Москве было подписано советско-германское торговое соглашение, которое Англия расцени-

ла как «маневр с целью произвести впечатление на Францию и Великобританию и заставить их принять условия СССР» [14, с. 75].

А. Гитлер довольно цинично и низко оценивал политических лидеров Запада, видя их двуличность, поиски экономической выгоды только для собственной страны или отдельных корпораций. На совещании 22 августа 1939 г. с руководством вермахта А. Гитлер отметил: «В Англии и Франции личностей крупного масштаба нет. Для нас принятие решений — дело легкое. Нам терять нечего, мы можем только выиграть. Наше экономическое положение в результате ограничений таково, что мы сможем продержаться еще лишь несколько лет. Геринг может подтвердить это. Нам не остается ничего иного, как действовать. Наши же противники рискуют многим, а выиграть могут мало. Англии придется вложить в войну много сил. Руководители у наших противников — ниже среднего уровня... Наши противники — жалкие черви. Я видел их в Мюнхене (...). Я боюсь лишь того, что в последний момент какая-нибудь свинья подсунет мне свое предложение о посредничестве» [14, с. 80].

Заключение советско-германского Пакта было серьезным политическим решением двух стран: СССР и Германии. И СССР, и Германия пришли к нему глубоко осознанно, просчитав все возможные варианты. Пакт нейтрализовал на некоторое время германскую угрозу и дистанцировал на некоторое время отношения Японии и Германии. Советский Союз не мог вести одновременно две войны: на Западе и Востоке. Поэтому нормализация, хотя бы и временная, отношений с Германией, явно готовившей большую войну, должна была способствовать блоки-

рованию войны на Востоке. Подписание Пакта сильно потрясло политическое и военное руководство Японии. Но Пакт имел и другую сторону: он отнял у Германии важного союзника в предстоящей мировой войне. В оси Токио-Берлин произошла трещина, которая в будущем будет иметь глубокие последствия. Япония отплатила Германии подписанием в апреле 1941 г. Пакта о нейтралитете и не решилась вступить в войну в 1941 г. Напротив, Япония начала масштабную войну в южном направлении, вступив в декабре в войну против США. Именно в этом заключается прозорливость Р. Зорге, который осенью 1941 г. сообщил в Москву, что Япония не нападет на СССР (и представил веские доказательства), а также многое сделал для того, чтобы Япония начала агрессивную войну на Тихом океане [34, с. 458; 16]. Своими публикациями и контактами подталкивал японское руководство к данному решению. Это самая сильная сторона его разведывательной деятельности в Японии.

Прямая связь полного окружения и разгрома японских войск на Халхин-Голе 23 августа 1939 года и подписания Пакта Молотова-Риббентропа (Советско-германского Договора о ненападении) тоже 23 августа не подлежит никакому сомнению. Налицо и взаимное влияние данных исторических событий в контексте мировой истории и системы международных отношений. Именно быстрая и решительная победа советско-монгольских войск привела к подписанию Пакта. В свою очередь договор с Германией привел к быстрому завершению войны на Дальнем Востоке в 1939 г.

Доктор Стюарт Голдман (США), член национального совета по евразийским и восточноевропейским исследованиям на международ-

ной конференции в Улан-Баторе в 2009 г. справедливо связал события на Халхин-Голе и Пакт, но сделал собственные заключения о том, что этот документ якобы дал Сталину свободу действий в отношении Японии, которой он воспользовался летом 1939 г. По нашему мнению, уважаемый историк путает причины и следствия. Пакт был подписан тогда, когда японские войска уже были окружены и разгромлены и ни в какой свободе рук Сталин уже не нуждался!

И.В. Сталин загнал А. Гитлера в стратегический тупик. Германии пришлось начать войну с СССР, не завершив войну на Западе. Таким образом, Германии пришлось вести мировую войну на два фронта: западном и восточном. Мало кто в мире мог бы одержать победу в таких условиях. Вообще, историческая оценка Пакта нуждается в основательном военно-историческом анализе и переосмыслении с учетом фактора войны на Халхин-Голе.

Подписание Пакта было шоком для японской стороны. Немецкая сторона была хорошо информирована о событиях на Востоке. Если бы события на Халхин-Голе развивались по другому сценарию, позиция Германии, по нашему мнению, могла быть совершенно иной.

Поэтому мы считаем, что значение войны на Халхин-Голе совершенно недооценено в российской и мировой исторической науке. Назрела необходимость более основательного и фундаментального исследования места и роли военных событий на Халхин-Голе в мировой истории. Традиционное представление о начале Второй Мировой войны (1 сентября 1939 года) нуждается в уточнении и пересмотре.

Подводя итог сказанному, еще раз акцентируем внимание на аргу-

ментах в пользу основной постановки вопроса нашей статьи.

1. Давно пора снять покров «неизвестной» войны на Халхин-Голе для массового сознания как в России, так и за рубежом.

Советское правительство официально длительное время не сообщало в советской прессе о начале военных действий на Халхин-Голе. Как выяснили историки В.Г. Дацышен и О.В. Бережной, первые сообщения были сделаны в центральной и региональной печати только в июле-августе 1939 г. Российские историки еще не ставили задачу и основательно не исследовали, почему советское политическое руководство держало информацию о военных действиях в секрете, и население страны мало знало о ней. Разумеется, информация проходила по неформальным каналам: скрыть массовый призыв, появление раненых в сибирских госпиталях, массовые перевозки грузов из Сибири в Монголию, строительство специальной железной дороги в Монголию было невозможно. То, как и насколько объективно военные события на Халхин-Голе будут восприняты населением страны и всего мира, явится важнейшим результатом деятельности историков Второй мировой войны.

2. Непосредственные участники военных действий в своих оценках и мемуарах в основном называли события «войной», «необъявленной войной» и т.п. Наиболее широко известна оценка «необъявленная война», которая точно сформулирована ключевой фигурой военных событий Г.К. Жуковым. Генерал-полковник Ж. Лхагвасүрэн в статье «В боях на Халхин-Голе» прямо называет военные события «халхин-гольская война» [29, с. 44]. Профессор В.Г. Дацышен в своих публикациях использует термины «военный конфликт» и «вой-

на». Монгольский писатель Ч. Чимид в 1979 году в статье «Немеркнущая слава» писал: «...происходившее на Халхин-Голе — это не просто пограничный конфликт... там шла война. И хотя война не была объявленной и по нынешней терминологии, локальной, она длилась более четырех месяцев» (цит. по: [5, с. 206]).

Совсем недавно монгольский ветеран войны на Халхин-Голе Ц. Алтангэрэл-гуай в газете «Новости Монголии» за 10 апреля 2014 г. отмечает: «Японская армия предпринимает попытку масштабного вторжения в Монголию с целью захвата восточных территорий России, совершает военную агрессию, но термин ИНЦИДЕНТ позволяет японцам избежать признания их агрессорами. Кроме того, поражение в войне японским обществом переживается болезненнее, чем неудача в инциденте» [2, С. 9]. Монгольский ветеран пишет ярко и эмоционально о войне, которую ему пришлось пережить, и его удивляют некоторые российские историки, считающие военные события локальным военным конфликтом. В заключении почтенный ветеран Ц. Алтангэрэл-гуай пишет: «Монгольские ветераны едины во мнении, что события на Халхин-Голе являются полномасштабной войной, с применением всех средств ведения боевых действий». По его данным, в войне с обеих сторон участвовало 180 тыс. военнослужащих, из которых 30 тыс. погибли.

Подавляющее большинство монгольских историков также называют это «войной», так как для Монголии это было жесточайшее военное испытание.

3. Общие размеры военных участников с обеих сторон, не только непосредственно участвующих в боевых действиях, но и находившихся в непосредственной близости от

театра военных действий и готовых принять активное участие в боевых действиях, поразительны.

Непосредственно в боевых действиях на Халхин-Голе участвовало с японской стороны около 100 тыс. чел. В боевой готовности находилось более 300 тыс. солдат и офицеров (ранее в литературе называлась цифра — 500 тыс.). Квантунская армия в любой момент могла быть брошена в боевые действия. Иногда японские историки наивно пишут (или рассчитывают на наивных читателей), что японские военные проявили в боевых действиях на Халхин-Голе полную самостоятельность, не согласовав свои действия с японским правительством.

Мобилизация на территории СССР и МНР также носила массовый характер. Так, в первой половине 1939 г. СССР увеличил численность вооруженных сил на 345 тыс., вместо 57 тыс., предусмотренных планом [28, с. 321]. В СССР призыв осуществлялся в центральных районах страны, на Урале (в Перми), в Восточной Сибири. Были привлечены лучшие летчики страны, прошедшие войну в Испании. Особенно массовый характер мобилизация имела в сибирских регионах. Это фактор также нужно учитывать при оценке характера и размаха военных действий.

4. Размеры использования современной военной техники также впечатляют своими масштабами. Только в воздушном бою 22 июня одновременно участвовало 120 японских самолетов против 95 советских [1, с. 98]. 20 августа 150 советских бомбардировщиков под прикрытием 144 истребителей нанесли массированный удар по японским войскам. Затем 52 бомбардировщика под прикрытием 167 истребителей нанесли еще один удар [1, с. 101].

Также массированно в боевых действиях при обороне и наступлении были применены танки и бронемашины. Звания Героя Советского Союза были удостоены 27 танкистов. Танки и артиллерия сыграли решающую роль в разгроме окруженной группировки японских войск. По данным профессора В.Г. Дацышена, всего было награждено 17 тыс. чел. [10, с. 17].

Размеры военных потерь также не позволяют назвать события на Халхин-Голе военным конфликтом. Ожесточенность боев, сложность ведения боевых действий в степных, полупустынных безводных территориях навсегда врезались в память ветеранов войны. Профессор В.Г. Дацышен приводит в статье воспоминания ветерана Г.В. Сорокина: «Честно признаюсь, я прошел всю Великую Отечественную войну, начиная с битвы под Москвой и кончая освобождением Праги, но такого напряжения и ужаса, как в боях на Халхин-Голе, не встречал...» [10, с. 19]. «Для моего деда бои в МНР значили не менее, чем Великая Отечественная война, а японцы представлялись не менее опасным противником, чем немцы. Но при техническом превосходстве Красной Армии, решимости руководства красноармейцам удалось нанести такой противнику (по словам очевидцев: три дня японцы трупы вывозили), что Япония вынуждена была отказаться от своих военных планов» [10, с. 19].

По данным М.В. Новикова [25, с. 98] японцы потеряли 61 тыс. убитыми, ранеными и пленными, 660 самолетов, военными трофеями стали 12 тыс. винтовок, 200 орудий, более 400 пулеметов, более 100 автомашин. По сведениям историка Е.А. Горбунова, данным в монографии «20 августа 1939 г.» общие потери японских войск с мая по

сентябрь составили 55 тыс. человек, убито не менее 25 тыс. солдат и офицеров [8, с. 222].

Современные российские и японские историки пытаются пересмотреть результаты военных потерь сторон, уточнить их размеры. По последним данным, российские безвозвратные потери составляют 7 974 чел., санитарные потери 15 925 чел. Они существенно выросли от первоначальных сведений 2 413 убитых и 10 020 раненых [15, с. 61].

Японские официальные потери составили более 18 тыс. воинов. По российским данным, убитые, раненые и пленные составили 61 тыс. чел. Отдельные японские историки считают, что потери составили 55 тыс. чел. [15, с. 61]. Таким образом, интенсивность боевых действий и боевые потери за короткий промежуток времени были чрезвычайно велики, что еще раз подтверждает наше мнение о том, что это был не военный конфликт, а война.

В любом случае, общие военные потери колоссальны и составляют в целом около 100 тысяч воинов. Назвать такие военные потери пограничным конфликтом, военным конфликтом, значит идти против исторической истины.

5. Общее число награжденных по итогам военных действий составило: Орденом Ленина — 83 чел., Орденом Красного Знамени — 595 чел., Орденом Красной Звезды — 134, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги» — 91 чел. Награждены орденами и медалями более 400 монгольских солдат и офицеров [28, с. 35].

Именно на этой войне впервые было введено награждение специальной медалью Героя Советского Союза и его получили 70 героев войны. Это было первое награждение участников боевых действий на Хал-

хин-Голе, затем награждения продолжались в 1940 году.

Звание Героя Советского Союза было официально введено постановлением ЦИК СССР 16 апреля 1934 г. А Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 августа 1939 г. был введен особый отличительный знак для Героя Советского Союза — медаль «Герой Советского Союза». За подвиги, совершенные в апреле-сентябре 1939 г. при проведении войсковой операции на реке Халхин-Гол высокую награду получили 70 воинов (из них 21 посмертно!), трое Героев стали дважды Героями Советского Союза. Крупный сибирский историк, профессор И.И. Кузнецов, большой знаток истории Великой Отечественной войны, роли Сибири в войне, много внимания уделил вопросу о Героях Халхин-Гола, уточнил их число и выяснил на основе глубоких изысканий биографии героев. В 1968 г. была опубликована статья, в которой впервые в отечественной литературе были названы имена всех 70 героев боев на Халхин-Голе. Ранее, в научных и популярных изданиях называлась другая цифра — 31 Герой Советского Союза [19, с. 200].

6. Война на Халхин-Голе, неудачные переговоры с Великобританией и Францией заставили СССР активизировать дипломатические переговоры с Германией и подписать с ней договор. Этим договором СССР охлаждал союзнические отношения Германии и Японии, избегал войны на двух фронтах одновременно. Пакт на некоторое время нейтрализовал германскую угрозу, поразил своей нестандартностью и неожиданностью японцев. Это был явный успех советской дипломатии, который имел долговременные стратегические последствия. В дальнейшем Япония уже не решилась в годы Второй мировой войны напасть на

СССР, а начала войну на Тихом Океане, свой основной военный удар направила на Юг, а не на Север континента.

Вообще, в российской исторической науке война на Халхин-Голе слабо увязывается с системой мировых международных отношений; дипломатические события на Западе и Востоке мало связывают в единую систему, военные события на границе Монголии рассматриваются как локальный конфликт. Так, в современной обобщающей коллективной работе российских востоковедов «История Востока» (5 том) они показаны как локальное событие, которому уделен всего один абзац, более значительное внимание уделено политическим репрессиям. Справедливости ради, отметим, что боевые действия там названы «войной». «В мае-сентябре 1939 г. шла война на Халхин-Голе. СССР в соответствии с Протоколом о взаимопомощи оказал тогда решающую поддержку Монголии, государственность которой оказалась под реальной угрозой вследствие агрессии Японии» [13, с. 449].

7. Современные исследователи все чаще признают условность даты «1 сентября 1939 г.» как начало Второй мировой войны. Так, в уже упомянутой ранее обобщающей работе российских востоковедов «История Востока» отмечается, в частности: «Вторая мировая война, грянувшая 1 сентября 1939 г., фактически началась гораздо раньше... Собственно говоря, державы «оси» уже вели войну задолго до ее официального начала: Япония с 1931 г. и особенно активно с 1937 г. воевала в Китае, Италия — в 1935–1939 гг. почти без перерыва в Эфиопии, Испании и Албании, Германия — с 1936 г. в Испании, одновременно захватывая в 1938–1939 гг. Австрию, Чехосло-

вакию, литовскую область Мемель (Клайпеду).

Во время известного интервью 1 марта 1936 г. на вопрос американского корреспондента Роя Говарда о двух очагах войны (Япония и Германия), И.В. Сталин оценил их как равнозначные: «Трудно сказать, какой очаг является наиболее угрожающим, но оба они существуют и действуют» [31, с. 337]. Это важное заявление политического лидера СССР, которое подтверждает нашу концепцию. Самое важное, что восточный очаг проявил себя раньше по времени и поэтому позволяет говорить о начале Второй мировой войны именно на Востоке.

Благодаря этому военная машина держав «оси» была заранее запущена и к сентябрю 1939 г. лишь набирала обороты, наращивая преимущество над армиями Англии и Франции, которые оказались плохо подготовленными (в чем-то вообще не готовыми) к войне» [13, с. 107]. Можно только присоединиться к столь справедливому суждению авторов. Давно назрела необходимость отказаться от европоцентристского взгляда на мировую историю, историю отношений стран Запада и Востока. И тогда внешняя политика СССР того периода станет более понятной западному и восточному исследователю и обывателю. Будет также снята критика российскими историками советско-германского Пакта о ненападении.

8. 13 апреля 1941 г. в Москве советское правительство подписало с Японией Пакт о нейтралитете. Таким образом, мы видим чрезвычайно разумную, расчетливую и прагматичную внешнюю политику советского правительства, которое всеми силами стремилось избежать войны в двух районах: западном и восточном одновременно. В обеих дипломатических развязках советское по-

литическое руководство проявляло политическую дальновидность, разумную гибкость и прагматизм, подписав 23 августа 1939 г. советско-германский Пакт, а позднее — Пакт о нейтралитете с Японией накануне кровопролитной войны с Германией. Разумеется, в СССР тогда прекрасно понимали, что Тройственный Союз имеет преимущество перед советско-японским Пактом. Влиятельные и наиболее агрессивные политики в Японии открыто призывали начать войну с СССР и атаковать соседнюю страну как можно скорее. Однако память о жестоком поражении японских войск в Монголии сдерживало эту активность на протяжении всей Великой Отечественной войны.

9. Другим историческим последствием войны на Халхин-Голе стало нападение Японии в декабре 1941 года на США. Подписав с СССР

Пакт о нейтралитете, Япония не решилась напасть на СССР летом и осенью 1941 г., но развязала себе руки на Тихом океане. В этом смысле, роль и значение войны на Халхин-Голе невозможно переоценить. После этой войны ход мировой истории пошел по совершенно другому пути.

Таким образом, мы считаем, что Вторая мировая война началась на Востоке и закончилась здесь же, в 1945 г., разгромом милитаристской Японии. Разумеется, данная трактовка нуждается в дальнейшей углубленной разработке и прежде всего в изучении всего комплекса российских и мировых документальных источников, в их новом прочтении. Предлагаем российским, монгольским и зарубежным историкам свободно и открыто обсудить данный подход к сложнейшей и многосторонней исторической проблеме.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. 65 лет Великой Победы / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова. Т. 1. Канун трагедии. — М. : МГИМО-Университет, 2010.
2. Алтангэрэл Ц. Вторая мировая началась на Халхин-Голе / Ц. Алтангэрэл // Новости Монголии. — 2014. — 10 апр.
3. Ариунболд Г. Халхингольская война и независимость Монголии / Г. Ариунболд // Вестник МЦАИ. — 2009. — № 16. — С. 17–31.
4. Афанасьев В. А. Халхин-Гол в ретроспективе Большой войны / В. А. Афанасьев // Отечественная история. — 1999. — № 5. — С. 181–185.
5. Бузаева В. В. Война на Халхин-Голе 1939 года в советской и монгольской историографии / В. В. Бузаева // Вестник МЦАИ. — 2009. — № 16. — С. 205–210.
6. Война на Халхин-Голе (1939 г.) в мировой истории и истории международных отношений: причины и последствия: докл. междунар. конф. // Вестник МЦАИ. — 2009. — Вып. 16.
7. Гольман М. И. События на Халхин-Голе в российской и зарубежной историографии / М. И. Гольман // Халхин-Гол: взгляд на события из XXI века. — М., 2013. — С. 102–111.
8. Горбунов Е. А. 20 августа 1939 / Е. А. Горбунов. — М. : Мол. гвардия, 1986.
9. Грайворонский В. В. Война на Халхин-Голе: место в мировой истории / В. В. Грайворонский, С. Г. Лузянин // Проблемы Дальнего Востока. — 2010. — № 1. — С. 156–162.
10. Дацышен В. Г. «Война на МНР». Халхин-Гол в нашей повседневности / В. Г. Дацышен // Родина. — 2009. — № 8. — С. 17–19.
11. Жалсапова Ж.Б. Иностранная пресса 1939 г. о начале вооруженного конфликта на монголо-маньчжурской границе (на р. Халхин-Гол) / Ж.Б. Жалсапова // Защита и охрана государственной границы РФ: состояние и перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. — Хабаровск : ХПИ ФСБ РФ, 2008. — С. 73–78.

12. Зимонин В. П. Почему Япония в ходе Второй мировой войны не желала безоглядно следовать курсом фашистской Германии / В. П. Зимонин // Военно-исторический журнал. — 2004. — № 7. — С. 19–27.
13. История Востока в шести томах. Т. 5. Восток в новейшее время (1914–1945). — М. : Вост. лит-ра, 2005.
14. История США в четырех томах. Т. 3. 1918–1945 / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. — М. : Наука, 1985.
15. Катасонова Е. Правда и вымыслы о Халхин-Голе. Кровавопролитный конфликт на Дальнем Востоке: взгляд и оценки 70 лет спустя / Е. Катасонова // Азия и Африка сегодня. — 2007. — № 2. — С. 54–59.
16. Кирст Х. Х. Зорге, которого мы не знали. Жизнь и гибель великого разведчика в Японии / Х. Х. Кирст. — М. : ЗАО изд-во Цетрполиграф. 2001.
17. Козюра А. В. Маньжоу-Ди-Го: вопросы политической истории / А. В. Козюра // Вестник МЦАИ. — 2009. — № 16. — С. 121.
18. Кузнецов И. И. Герои Халхин-Гола / И. И. Кузнецов // История СССР. — 1968. — № 1.
19. Кузнецов И. И. Герои Халхин-Гола / И. И. Кузнецов. — Улан-Батор, 1981.
20. Кузнецов С.И. События на Халхин-Голе в трудах сибирского историка / С. И. Кузнецов // Вестник МЦАИ. — 2009. — № 16. — С. 198–205.
21. Кузьмин Ю. В. Спорные проблемы войны на Халхин-Голе в российской историографии / Ю. В. Кузьмин // Вестник МЦАИ. — 2009. — № 16. — С. 46–52.
22. Лузянин С. Г. Дипломатическая история событий на Халхин-Голе. 1932–1939 гг. / С. Г. Лузянин // Новая и новейшая история. — 2001. — № 2. — С. 41–51.
23. Мировые войны XX века. В четырех книгах. Книга 4. Вторая мировая война. Документы и материалы / сост. Ю. А. Никифоров ; отв. ред. М. Ю. Мягков. — М. : Наука, 2002.
24. Монгол-Оросын цэргийн хамтын ажиллага (Баримтын эмхтгэл). 2 боть. 1936–1946 / Эмхтгэгчид Т. Оюунбазар, И. И. Кудрявцев. — Улан-Батор, 2011.
25. Новиков М. В. Победа на Халхин-Голе / М. В. Новиков. — М. : Политиздат, 1971.
26. Носов Д. А. О международной конференции «Война на Халхин-Голе (1939)». Номонханский инцидент в мировой истории. Зная о прошлом и говоря о будущем. Улан-Батор, 2009.
27. Очерки истории российской внешней разведки: в 6 тт. Т. 2. 1917–1933 гг. — М. : Междунар. отношения, 1997.
28. Победа на реке Халхин-Гол. — М. : Наука, 1981.
29. Под солнцем дружбы : сб., посвящ. 50-летию Монгольской народной революции. — М. : Правда, 1971.
30. Рихард З. Статьи. Корреспонденции. Рецензии / З. Рихард. — М. : Изд-во Московского ун-та, 1971.
31. Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 1. 1921–1940 / отв. ред. И. С. Казакевич. — М. : Междунар. отношения, 1975.
32. Тихвинский С. Л. Избранные труды: в 5 кн. Кн. 4. Отечественная и всемирная история / С. Л. Тихвинский. — М., 2006.
33. Черевко К. Е. Серп и молот против самурайского меча: научное издание / К. Е. Черевко. — М. : Вече, 2003.
34. Энциклопедия военного искусства. Операции военной разведки / авт.-сост. В. В. Петров. — Минск : Изд-во Литература, 1997.

REFERENCES

1. 65 let Velikoy Pobedy. Pod obshchey redaktsiyey S.Ye. Naryshkina, A.V. Torkunova. Tom 1. Kanun tragedii. — М.: MGIMO-Universitet, 2010.

2. Altangerel TS. Vtoraya mirovaya nachalas' na Khalkhin-Gole / TS. Altangerel // Novosti Mongolii. — 2014. — 10 aprelya.
3. Ariunbold G. Khalkhingol'skaya voyna i nezavisimost' Mongolii / G. Ariunbold // Vestnik MTSAL. — 2009. — № 16. — Pp. 17–31.
4. Afanas'yev V.A. Khalkhin-Gol v retrospektive Bol'shoy voyny / V.A. Afanas'yev // Otechestvennaya istoriya. — 1999. — № 5. — Pp. 181–185.
5. Buzayeva V.V. Voyna na Khalkhin-Gole 1939 goda v sovetskoj i mongol'skoj istoriografii / V.V. Buzayeva // Vestnik MTSAL. — 2009. — № 16. — Pp. 205–210.
6. Voyna na Khalkhin-Gole (1939 g.) v mirovoj istorii i istorii mezhduna-rodnykh otnosheniy: prichiny i posledstviya. Dokl. mezhd. konf. // Vestnik MTSAL. — 2009. — Vyp. 16.
7. Gol'man M.I. Sobytiya na Khalkhin-Gole v rossiyskoj i zarubezhnoy isto-riografii / M.I. Gol'man // Khalkhin-Gol: vzglyad na sobyitiya iz KHKH veka. — M., 2013. — Pp. 102–111.
8. Gorbunov Ye.A. 20 avgusta 1939 / Ye.A. Gorbunov. — M.: Mol. gvardiya, 1986.
9. Grayvoronskiy V.V., Luzyanin S.G. Voyna na Khalkhin-Gole: mesto v mirovoy istorii / V.V. Grayvoronskiy, S.G. Luzyanin // Problemy Dal'nego Vostoka. — 2010. — № 1. — Pp. 156–162.
10. Datsyshen V.G. «Voyna na MNR». Khalkhin-Gol v nashey povsednevnosti / V.G. Datsyshen // Rodina. — 2009. — № 8. — Pp. 17–19.
11. Zhalsapova ZH. B. Inostrannaya pressa 1939 g. o nachale vooruzhennogo konflikta na mongolo-man'chzhurskoj granitse (na r. Khalkhin-Gol) / ZH. B. Zhalsapova // Zashchita i okhrana gosudarstvennoy granitsy RF: sostoyaniye i perspektivy. Materialy Vseros. nauchn.-prakt. konf. — Khabarovsk: KHPI FSB RF, 2008. — Pp. 73–78.
12. Zimonin V. P. Pochemu Yaponiya v khode Vtoroy mirovoy voyny ne zhelala bezoglyadno sledovat' kursom fashistskoj Germanii / V. P. Zimonin // Voenno-istoricheskiy zhurnal. — 2004. — № 7. — Pp. 19–27.
13. Istoriya Vostoka v shesti tomakh. Tom 5. Vostok v noveysheye vremya (1914–1945). — M.: Vostochnaya literatura, 2005.
14. Istoriya SSHA v chetyrekh tomakh. Tom 3. 1918–1945. Otv. red. G.N. Sevost'yanov. — M.: Nauka, 1985.
15. Katasonova Ye. Pravda i vymysly o Khalkhin-Gole. Krovoprolitnyy konflikt na Dal'nem Vostoke: vzglyad i otsenki 70 let spustya / Ye. Katasonova // Aziya i Afrika segodnya. — 2007. — № 2. — Pp. 54–59.
16. Kirst KH.KH. Zorge, kotorogo my ne znali. Zhizn' i gibel' velikogo razvedchika v Yaponii / KH.KH. Kirst. — M.: ZAO izd-vo Tsetrpoligraf. 2001.
17. Kozyura A.V. Man'zhou-Di-Go: voprosy politicheskoy istorii / A.V. Kozyura // Vestnik MTSAL. — 2009. — № 16. — S. 121.
18. Kuznetsov I.I. Geroi Khalkhin-Gola / I.I. Kuznetsov // Istoriya SSSR. — 1968. — № 1.
19. Kuznetsov I.I. Geroi Khalkhin-Gola / I.I. Kuznetsov. — Ulan-Bator, 1981.
20. Kuznetsov S.I. Sobytiya na Khalkhin-Gole v trudakh sibirskogo istorika / S.I. Kuznetsov // Vestnik MTSAL. — 2009. — № 16. — Pp. 198–205.
21. Kuz'min YU.V. Spornyye problemy voyny na Khalkhin-Gole v rossiyskoj istoriografii / YU.V. Kuz'min // Vestnik MTSAL. — 2009. — № 16. — Pp. 46–52.
22. Luzyanin S.G. Diplomatischeeskaya istoriya sobytiy na Khalkhin-Gole. 1932–1939 gg. / S.G. Luzyanin // Novaya i noveyshaya istoriya. — 2001. — № 2. — Pp. 1–51.
23. Mirovyye voyny KHKH veka. V chetyrekh knigakh. Kniga 4. Vtoraya mirovaya voyna. Dokumenty i materialy. Otv. red. M.YU. Myagkov. Sost. YU.A. Nikiforov. — M.: Nauka, 2002.
24. Mongol-Orosyn tsergiyn khamtyn azhillaga (Barimtyn emkhtgel). 2 bot'. 1936–1946. Emkhtgegchid T. Oyuunbazar, I.I. Kudryavtsev. — Ulan-Bator, 2011.
25. Novikov M.V. Pobeda na Khalkhin-Gole / M.V. Novikov. — M.: Politizdat, 1971.
26. Nosov D.A. O mezhdunarodnoy konferentsii «Voyna na Khalkhin-Gole (1939)». Nomonkhanskiy intsident v mirovoj istorii. Znaya o proshlom i govorya o budushchem. Ulan-Bator, 2009. (Doklad na mezhd. konf. (Irkutsk) 23 maya 2014 g. Rukopis').

27. Ocherki istorii rossiyskoy vneshney razvedki v 6 tt. Tom 2. 1917–1933 gg. — M.: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1997.
28. Pobeda na reke Khalkhin-Gol. — M.: Nauka, 1981.
29. Pod solntsem druzhby: Sb., posvyashchennyy 50-letiyu Mongol'skoy narodnoy revolyutsii. — M.: Pravda, 1971.
30. Rikhard Z. Stat'i. Korrespondentsii. Retsenzii / Z. Rikhard. — M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1971.
31. Sovetsko-mongol'skiye otnosheniya. 1921-1974. Dokumenty i materialy. Tom 1. 1921–1940. Otv. red. I.S. Kazakevich. — M.: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1975.
32. Tikhvinskiy S.L. Izbrannyye trudy v pyati knigakh. Kniga 4. Otechestvennaya i vseмирnaya istoriya / S.L. Tikhvinskiy. — M., 2006.
33. Cherevko K.Ye. Serp i molot protiv samurayskogo mecha: nauchnoye izdaniye / K.Ye. Cherevko. — M.: Veche, 2003.
34. Entsiklopediya voyennogo iskusstva. Operatsii voyennoy razvedki / Avt.-sost. V.V. Petrov. — Minsk: Izd-vo Literatura, 1997.